

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ
АЛЬМАНАХ,
ОРГАН
КЕМЕРОВСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ
РСФСР

В номере:

ЕВГЕНИЙ БУРАВЛЕВ. Наша работающая земля	3
АЛЕКСАНДР ВОЛОШИН. Ясное высокое пламя	5
ВИТАЛИЙ РЕХЛОВ. Подарок русского патриота	7

Наш современник

НИНА СПИРИНА. Душевная высота. Очерк	9
--	---

Дневники. Воспоминания.

АНАТОЛИЙ САДОВИКОВ. Записки начинался так... (Из записок бывшего начальника комсомольского штаба стройки)	14
---	----

Стихи. Проза.

ВИТАЛИЙ ПИСАРЕВ. «Босым мальчишкой...» Стихи	8
СТЕПАН ТОРБОКОВ. Март. Стихи. Перевод с шорского М. Небогатова.	13
ВАЛЕНТИН МАХАЛОВ. Горючий камень. «Пахнут травы медуницей...» Разговор с тайгой. Галчонок. Медвежий родник. «На судьбу не жалуясь...» Стихи	23
АНАТОЛИЙ КРУГЛЯКОВ. Случай на шахте «Южная». Рассказ.	26
ОЛЕГ МАКСИМОВ. Глухари. Стихи.	37
ВЛАДИМИР МАМАЕВ. На разъезде. Трасса. Маки. Стихи.	38
ГАРИЙ НЕМЧЕНКО. Господни ангелы. Рассказ	39
СЕМЕН ПЕЧЕНИК. Чингиз-хан. Стихи.	51
ВИТАЛИЙ КРЕКОВ. «Как детский сон после обеда...», «И снова март...», «Лист желтый, пролетев над головою...», Музыка. Апрель. Стихи	52
ВИКТОР ЧУГУНОВ. Махонька. Рассказ.	54
СЕРГЕЙ ДОНБАЙ. Стеклодув. Стихи.	68

выполнение правительственного задания Мария Прохоровна была награждена орденом Трудового Красного Знамени.

Декабрь 1943 года. Кончился важный, трудовой период ее жизни. Через год начальника шахты «Зиминка-Капитальная» перевели на работу в горком партии, а затем на восстановление шахт в разрушенный фашистами Донбасс.

Годы. Неумолимо отсчитывают они свое время. На том месте, где стояло

старое, засыпанное здание, остался только одинокий тополь. Шахта стала другой, обновленной, но она помнит свои легенды, помнит годы, когда она боролась с фашизмом, и здесь, глубоко в тылу, вела ее в бой командир М. П. Косогорова.

Мария Прохоровна, несмотря на свои 67 лет, сохранила молодость души и задор. Она и сейчас полна энергии и силы. И по-прежнему ее волнуют дела родной «Зиминки».

В. Дроздов

Ф. М. Достоевский в Сибири

[К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ]

Великий русский писатель Федор Михайлович Достоевский прожил шестьдесят лет, из них десять лет он провел в Сибири. «Лишенный всех прав состояния... за принятие участия в преступных замыслах, распространение письма литератора Белинского, наполненного дерзкими выражениями против православной церкви и верховной власти, и покушение вместе с прочими к распространению сочинений против правительства, посредством домашней литографии...», он просидел четыре года в каторжном остроге и пять с половиной лет прослужил в 7-м Сибирском линейном батальоне сначала рядовым, а последние три года — унтер-офицером и прапорщиком.

24 декабря 1849 года, спустя двое суток после расправы на Семеновском плацу, когда их двадцать петрашевцев, приговоренных к «смертной казни расстреливанием», замененной по милости «его величества» каторгой, Ф. М. Достоевский был отправлен в Сибирь. Через 22 дня его вместе с товарищами по кружку С. Ф. Дуровым и И. Ф. Ястржембским, закованным в кандалы, везли в Тобольск.

В Тобольской пересыльной тюрьме их задержали на шесть дней. В квартире смотрителя острога они были сердечно встречены женами декабристов Фонвизиной, Муравьевой, Анненковой с дочерью. В своем дневнике Ф. М. Достоевский писал, что «свидание продолжалось час. Они благословили нас на новый путь». Н. Д. Фонвизина вместе с М. Д. Францевой, дочерью Тобольского губернского прокурора, проводили Достоевского и Дурова из Тобольска в Омск. Узнав о времени отправки каторжников, они выехали за город заранее, с версту ушли вперед, чтобы не сделать кучера свидетелем прощания. После долгого ожидания в открытом поле показались две тройки с жандармами и арестованными. Когда они поравнялись, Фонвизина и Францева попросили остановиться. Из кибиток вышли Достоевский и Дуров. В своих воспоминаниях М. Д. Францева писала, что «первый был худенький, небольшого роста, не очень красивый собой молодой человек... Одеты были в арестантские полушубки и меховые малахай; тяжелые кандалы гремели на ногах». Наскоро простившись, они успели сказать,

чтоб не теряли бодрости духа и передали жандарму письмо для инспектора Омского кадетского корпуса И. В. Ждан-Пушкина с просьбой позаботиться о положении обоих каторжников.

23 января 1850 года Ф. М. Достоевского и С. Ф. Дурова в третьем часу пополудни доставили в Омский каторжный острог. Этот острог с его двором, казармами, каторжной жизнью подробно описан Федором Михайловичем в «Записках из Мертвого дома».

Сначала Достоевского и Дурова ввели в небольшое, с почерневшими стенами одноэтажное здание кордегардии (карательное помещение), находившееся у самых острожных ворот. После предварительного опроса и грозного плац-майорского наставления: «Смотрите же, вести себя хорошо!.. Чтоб я не слышал! Не то... телесным наказанием!.. За малейший проступок — р-р-розги!», их отвели в острожную казарму.

Это была длинная, низкая комната, тускло освещенная сальными свечами, с тяжелым удушливым запахом. В ней, как писал Ф. М. Достоевский, «на нарах у меня было три доски: это было все мое место. На этих же нарах размещалось в одной нашей комнате человек тридцать народу. Зимой запирали рано; часа четыре надо было ждать, пока все засыпали. А до того — шум, гам, хохот, ругательства, звук цепей, чад и копоть, бритые головы, клейменные лица, лоскутные платья, все обруганное, ошельмованное...»

«Надо полагать, что не было такого

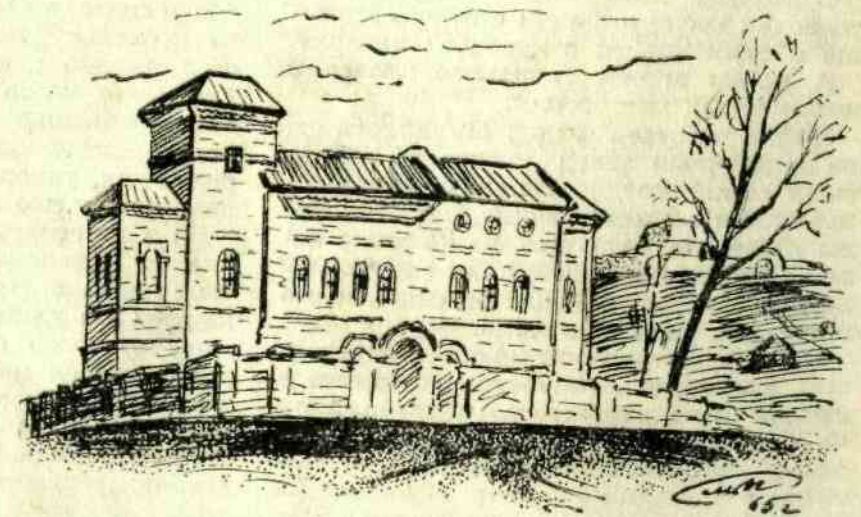
преступления, которое бы не имело здесь своего представителя...»

В таком окружении находился Ф. М. Достоевский в Омском остроге. Начальству каторжного острога не было дела до того, что он к тому времени был уже известный писатель, автор «Бедных людей», «Двойника», «Белых ночей», «Неточки Незвановой», для них он был каторжный.

На второй день по прибытии в острог Достоевский пришел в мастерские, чтобы сменить дорожный «мелкозвон» на форменные острожные кандалы, приспособленные к работе. В первые три дня он не ходил на работу: «давалось отдохнуть с дороги».

«В эти три дня, — писал Ф. М. Достоевский, — я в тоске слонялся по острогу, лежал на своих нарах, отдал шить надежному арестанту... из выданного мне казенного холста рубашки... завел себе... складной тюфячок (из войлока, обшитого холстом), чрезвычайно тоненький, как блин, и подушку, набитую шерстью, страшно жесткую с непривычки... сшил... одеяло из лоскутков старого казенного сукна, собранного из выносившихся панталон и курток, купленных мною у других арестантов».

На четвертый день Ф. М. Достоевского вместе с другими арестантами пригнали на берег Иртыша и заставили разбирать две вмерзшие в лед старые казенные барки. На поданный дорогой одним меццианином пяточок арестанты, придя на берег, купили у калашницы калачей, которые и разделили поровну на всю

Церковь, в которой венчался Ф. М. Достоевский

артель. Как «несчастнейший», Ф. М. Достоевский впервые получил часть выделенного ему пайки. В последующем он будет часто его получать.

До малейшей подробности описан этот день в «Записках из Мертвого дома», писатель воспроизвел его и в эпилоге романа «Преступление и наказание». Во время работы на берегу Достоевский почувствовал ненависть арестантов к нему, как дворянину. Словами Раскольникова из романа «Преступление и наказание» Достоевский «знал и понимал общие причины такого разъединения, но никогда не допускал он прежде, чтобы эти причины были на самом деле так глубоки и сильны».

Страшная тоска одолела Ф. М. Достоевского, когда он, усталый после работы, вернулся в острог. «Сколько тысяч еще таких дней впереди, — думал я, — все таких же, все одних и тех же».

Он чувствовал, что только работа может спасти его, укрепить здоровье и тело, так как постоянное душевное беспокойство, нервное раздражение, спертый воздух казармы могли бы разрушить его совершенно. «Чаще быть на воздухе, каждый день уставать, приучаться носить тяжести — и по крайней мере я спасу себя, — думал я, — укреплю себя, выйду здоровый, бодрый, сильный, нестарый... Я не ошибся: работа и движение были мне очень полезны. Я с ужасом смотрел на одного из моих товарищей (из дворян), как он гас в остроге, как свечка. Вошел он в него вместе со мной, еще молодой, красивый, бодрый, а вышел полуразрушенный, седой, без ног, с одышкой...»

В течение двух месяцев Ф. М. Достоевский носил кирпичи с берега Иртыша к строящейся в крепости казарме.

А потом вертел точильное колесо в инженерных мастерских.

Ходил работать Федор Михайлович и на кирпичный завод. Работа на заводе была самой трудной: нужно накопать, вывезти и вымесить глину, нанести воды и сделать не то две, не то две с половиной сотни кирпичей. Эта работа была непосильной для Достоевского, и его перестали посылать туда.

При содействии начальства инженерных мастерских, сочувственно относившегося к политическим каторжникам, Ф. М. Достоевского часто направляли на работу при алебастровом бараче, где выжигали и толкли алебастр. В бараче за дроблением алебастра у Достоевского

часто происходили горячие споры с осужденными поляками. Поляки с раздражением говорили о России, причинившей много страданий Польше и польскому народу, но они не разграничивали самодержавную власть от великого русского народа, никогда не проявлявшего неприязни к польскому народу. Ф. М. Достоевский с большой горячностью возражал им. При таком запальчивом, возбуждающем нервы и волнующем кровь споре мы ударили молотами с таким размахом, что даже инструктор наш, человек весьма добродушный, Андрей Алмазов восклицал: «Легче ребята! Легче!» И часто предлагал нам отдых раньше назначенного часа, — писал об этом каторжанин — поляк Ш. Токаржевский.

В постоянной, нередко тяжелой работе, проходили дни жизни в остроге, «дни длинные, душные, один на другой точь-в-точь похожие, — писал Ф. М. Достоевский. — Хоть бы книга какая-нибудь! И между тем я, особенно вначале, часто ходил в госпиталь, иногда больной, иногда просто лежать; уходил от острога...»

По предписанию тюремных врачей и просьбе местных влиятельных лиц, его временами не только больного помещали в госпиталь. Режим здесь был более свободным и легким, нежели в остроге. Со стороны некоторых врачей к нему было теплое отношение. Старший врач госпиталя И. И. Троицкий иногда разрешал Достоевскому писать. По его рассказам Достоевский в госпитале начинал писать «Записки из Мертвого дома», первые главы которых долгое время хранились у старшего фельдшера.

В госпитале Ф. М. Достоевский лежал по нескольку недель, получая сытный стол, частью с докторской кухни. Жена Троицкого часто посылала ему чай и обед. Фельдшер А. И. Иванов украдкой носил газеты. Начальник госпиталя, барон Функ, узнав об этом, наказал Иванова двадцатью пятью ударами розог.

Но и в госпитале тяжелые переживания не оставляли писателя. Госпиталь был также постоянным местом жутких картин. На улице против его окон прогоняли сквозь строй арестантов. Иные умирали под палками, других в тяжелом состоянии уносили в арестантскую палату госпиталя, где избитому оказывалась помощь. В такие минуты, по рассказам фельдшера А. И. Иванова, Достоевский приоткрывал дверь своей па-

латы и, потрясенный, весь дрожа, умоляющим голосом просил фельдшеров: — Детушки, детушки! Спасите его... спасите несчастного!

К вечеру в госпиталь обыкновенно являлись наказанные шпицрутенами. Они тяжело переживали экзекуцию, особенно те, кто после залечивания ран должен вновь идти на наказание. Но «я редко слышал стоны даже от тяжело избитых», — писал Ф. М. Достоевский.

Однажды и сам Достоевский едва избежал телесного наказания. Плац-майор за лежание днем на нарах отправил его в кордегардию для экзекуции. Дежуривший в это время один из «морячков», исключенных из гардемаринского корпуса за подачу жалобы о плохом питании и высланных на военную службу в сибирские линейные батальоны, тотчас сообщил генералу де Граве. Тот незамедлительно приехал сам и остановил приготовления к наказанию, а плац-майору сделал публичный выговор и строго предупредил, чтобы больных арестантов не подвергали экзекуции.

Командант омской крепости де-Граве, вероятно, под влиянием И. В. Ждан-Пушкина покровительствовал петрашевцам. Заведующий работами в крепости Бориславский разрешал адъютанту Иванову назначать Достоевского на легкие работы и в одно время, в нарушение установленных правил, позволил ходить в канцелярию инженерного управления для письменных занятий. По доносу полковника Мартена ему было запрещено посещать канцелярию.

Большую заботу о Ф. М. Достоевском проявляли столичные гардемарины, известные в Омске под именем «морячков». Их было шестеро. Они оставляли Достоевского и Дурова как бы для работ в самой крепости, вызывали в кордегардию и помещали в комнате караульного офицера. Здесь им сообщали новости, вручали передачи, письма, позволяли читать.

Ф. М. Достоевский был глубоко тронут любовью и вниманием чутких людей за острожным забором и впоследствии с теплотой вспоминал о них. Он также сошелся с политическими заключенными поляками. И даже под «грубой кожей» обычных преступников, порой грабителей и убийц, он находил золото души, таланта и доброты. В «Записках из Мертвого дома» он позже напишет: «...последний год почти так же памятен мне, как и первый, особенно самое пос-

леднее время в остроге... Помню только, что в этот год, несмотря на все мое нетерпение поскорей кончить срок, мне было легче жить, чем во все предыдущие годы... Во-первых, между арестантами у меня было уже много друзей и приятелей... В последнее время я вообще имел больше льгот... у меня оказались знакомые... Через них я мог иметь больше денег, мог писать на родину и даже мог иметь книги».

Не раз вглядывался Федор Михайлович в пустынные степи за Иртышом, останавливал свое внимание даже на чахлом цветке, найденном в расселине каменистого берега. На протяжении четырех лет ежедневно врзался ему в память берег Иртыша. И не случайно через двадцать лет Достоевский переносит на берег этой реки захватывающую своим драматизмом сцену последнего свидания Сони Мармеладовой с находящимся на каторге Раскольниковым в эпилоге «Преступления и наказания».

Накануне последнего дня каторги Ф. М. Достоевский обошел острог с грустной мыслью: «Сколько в этих стенах погребено напрасно молодости, сколько великих сил погибло здесь даром! Ведь надо уж все сказать: ведь этот народ, необыкновенный был народ. Ведь это, может быть, и есть самый даровитый, самый сильный народ из всего народа нашего. Но погибли даром могучие силы, погибли ненормально, незаконно, безвозвратно».

Наконец настал день выхода из острога. «Когда только еще начинало светать, — вспоминает Ф. М. Достоевский — обошел я все казармы, чтобы попрощаться со всеми арестантами... Пробил барабан, и все отправились на работу, а я остался дома...»

Минут десять спустя после выхода арестантов, вышли и мы из острога, чтобы никогда в него не возвращаться, — я и мой товарищ, с которым я прибыл...

Расковали нас наши же арестанты, в инженерной мастерской... Они суетились, хотели сделать ловчее, лучше.

— Заклепку-то, заклепку-то повороти перво-наперво! — командовал старший, — уставь ее, вот так. Ладно... Бей теперь молотком.

Кандалы упали. Я поднял их... Мне хотелось подержать их в руке, взглянуть на них в последний раз. Точно я дивился теперь, что они сейчас были на моих же ногах».

После выхода из острога Федор Михайлович месяц провел в доме Ольги Ивановны Ивановой (дочери Анненковой). Вышло так, что Ольга Ивановна проводила его в острог в Тобольске и встретила из острога в Омске. В доме Ивановых Ф. М. Достоевский был тепло принят, немного отдышался от «мертвого дома». В письме к брату он писал: «Если бы не нашел здесь людей, я погиб совершенно»... В доме Ивановых Достоевский познакомился с молодым офицером, впоследствии известным путешественником и просветителем казахского народа Чоканом Чингизовичем Валихановым. Это знакомство вскоре перешло в большую привязанность и дружбу.

По окончании каторги Ф. М. Достоевский был зачислен рядовым в Сибирский 7-й линейный батальон, который стоял в Семипалатинске. Ранней весной 1854 г. в обозных санях он отправился к месту своей службы.

Первые месяцы службы Достоевского в Семипалатинске мало чем отличались от острожного барака — те же жесткие нары в солдатской казарме, темнота, скудная пища, непрерывная брань. Вместе с другими солдатами Достоевский нес караульную службу, уставал во время бесконечных учений. В письме к брату он писал: «Приехал я сюда в марте месяце. Фрунтовой службы почти не знал ничего и между тем в июле месяце стоял на смотре наряду с другими и знал свое дело не хуже других. Как я уставал и чего это мне стоило — другой вопрос...»

Большой знаток семипалатинского периода жизни Ф. М. Достоевского П. Косенко указывает, что Федор Михайлович не мог позволить себе роскоши «подвергаться замечаниям». Только беспорочная служба давала надежду на выслугу в офицеры, без чего было бы невозможно возвращение в настоящую жизнь к любимому труду.

Благодаря исправной службе, а так же не без влияния омских друзей Достоевскому было разрешено переехать из солдатской казармы на частную квартиру. Федора Михайловича стали приглашать в офицерские и чиновничьи дома Семипалатинска. Большую роль в жизни писателя в этот период сыграл молодой прокурор А. Е. Врангель. По приезду в Семипалатинск в декабре 1854 года Врангель сразу же осознал всю тяжесть положения Ф. М. Досто-

евского, принял горячее участие в его судьбе и по-настоящему подружился с ним. В письме к отцу А. Е. Врангель высказывал дружеские симпатии к писателю и просил его «шепнуть слово Дубельту или князю Орлову о Достоевском, неужели же этот замечательный человек погибнет здесь в солдатах? Это было бы ужасно. Горько и больно за него...»

К этому времени относится знакомство Ф. М. Достоевского с Марией Дмитриевной Исаевой.

А. Е. Врангель характеризовал ее как образованную, начитанную, любознательную, добрую, необыкновенно живую и впечатлительную женщину. Жизнь М. Д. Исаевой сложилась трагически. Первый муж ее А. И. Исаев, человек безвольный, но, по словам Достоевского, благородный (он явился прототипом Мармеладова в «Преступлении и наказании»), вскоре после женитьбы начал страшно пить и быстро совершенно опустился. Интерес Ф. М. Достоевского к этой женщине превратился в чувство исключительной силы и остроты. Сила вспыхнувшей любви Достоевского, богатство его природы и внимание, в котором так нуждалась Мария Дмитриевна, вызвали взаимное чувство и у нее. Но на пути к их соединению было два препятствия — замужество М. Д. Исаевой и бесправное положение Ф. М. Достоевского.

Весной 1855 года мужу М. Д. Исаевой предоставили место управляющего трактирами в Кузнецке, и они уезжают из Семипалатинска. Как вспоминает Врангель, после отъезда М. Д. Исаевой Федор Михайлович был выбит из колеи и долго не мог прийти в себя. Хандрил, сутками молчал. Часто ходил к дому Исаевых. Видя, что Достоевского надо отвлечь от тоски, Врангель предложил переехать в Казаковский сад в окрестностях Семипалатинска. Ф. М. Достоевский согласился, проводил вечера и выходные дни здесь все лето. Днем он был на плацу.

За работой в Казаковском саду Ф. М. Достоевский стал отходить, ожил и любил повторять, что без смешного нет жизни. Из Кузнецка приходили письма от М. Д. Исаевой, и это поднимало его настроение. В августе 1855 года Достоевский получил из Кузнецка весть, что после короткой болезни муж Исаевой скончался, оставив ее с ребенком и без средств к существованию.

У Достоевского появилась надежда на счастливый исход его мучительной любви.

В начале 1856 года Ф. М. Достоевский был произведен в унтер-офицеры. Это не меняло правого положения, но давало возможность на получение офицерского чина и на выход из бесправного положения.

Скоро из Кузнецка стали приходить самые тревожные вести. М. Д. Исаева устала от бесконечной борьбы с нищетой. С осторожностью, как ей поступить в случае, если будет к ней свататься обеспеченный человек, она спрашивает совета у Ф. М. Достоевского. В действительности М. Д. Исаева после смерти мужа была знакома с уездным учителем Вергуновым, но брак с ним не принес бы ей богатства.

Естественно, это вывело Ф. М. Достоевского из равновесия. С огромной энергией он ищет пути улаживания своих запутанных дел. Он направляет письмо своему другу А. Е. Врангелю, переехавшему в начале 1856 года в Петербург, адресованное герою севастопольской обороны Э. И. Тотлебену, с которым вместе учился в Главном Инженерном училище. Достоевский просит А. Е. Врангеля лично сходить к Тотлебену, чтобы тот походатайствовал перед императором о его судьбе.

После ходатайства за ссыльного писателя на личной аудиенции у императора Э. И. Тотлебен собственноручно записал царскую резолюцию: «Его величество приказать изволил написать представление в форме записки к г. военному министру ходатайство о производстве Федора Достоевского в прапорщики в один из полков 2-й армии. Если же это признано будет неудобным, то с чином 14-го класса уволить его для определения к статским делам, в обоих случаях дозволить ему литературные занятия с правом печатания на узаконенных основаниях».

В это время Ф. М. Достоевский живет мыслью о Марии Дмитриевне. Увидеть ее стало необходимо для Достоевского, и он идет на весьма рискованный шаг. В начале лета 1856 года он был направлен по служебной командировке в Барнаул. Самовольно он приезжает в Кузнецк и в течение двух дней встречается с М. Д. Исаевой. Однако эта встреча радости не принесла. Мария Дмитриевна не дала окончательного ответа. Но после отъезда из Кузнецка Фе-

дор Михайлович получает «письмо за письмом, и я опять вижу, что она тоскует, плачет и опять любит его более меня!»

В конце октября стало известно, что Ф. М. Достоевский произведен в прапорщики. Через полмесяца, получив официальное разрешение, он отправляется снова в Кузнецк. На этот раз было новое и решительное объяснение с Исаевой и Вергуновым. Федор Михайлович получил согласие Марии Дмитриевны и выехал в Семипалатинск. Для свадьбы и переезда семье нужны были деньги. Он занял солидную сумму у горного инженера, пришлось просить и у родственников.

1 февраля 1857 года Ф. М. Достоевский отправился третий раз в Кузнецк. На пути он кратковременно остановился у П. П. Семенова и, как пишет ученый, был в самом лучшем расположении духа и проникнут верой в счастливое будущее. Здесь впервые он прочитал П. П. Семенову отрывки «Записок из Мертвого дома». Тот был потрясен силой и правдой нарисованных картин каторги.

6 февраля Федор Михайлович и Мария Дмитриевна были обвенчаны в Одигитриевской церкви г. Кузнецка. В церковь собрался чуть ли не весь Кузнецк. Свадьба была пышной, заботы по ее устройству взяла на себя жена исправника А. Н. Катанаева. В эти дни Федор Михайлович был спокойно счастлив, весел, кузнецкое «общество» им было очаровано. Он постоянно бывал с женой на вечерах, много танцевал, охотно играл в карты по маленькой.

Из Кузнецка ехали через Барнаул. В Барнауле у Ф. М. Достоевского случился сильнейший припадок, и он в течение нескольких дней находился в состоянии прострации. Ф. М. Достоевский писал, что еще в Омском остроге он приобрел болезнь — «странные припадки, похожие на падучую и, однако ж, не падучая».

Тогда же врач И. И. Троицкий объяснял это мнительностью, расшатанностью нервной системы. Теперь, в Барнауле, стало ясно, что это эпилепсия. Испуганная Мария Дмитриевна не отходила от постели мужа, и как только он смог встать, они уехали в Семипалатинск.

В Семипалатинске молодожены сняли три скромно меблированных комнаты. Теперь Федор Михайлович почти все свободное время проводит дома. Часть

своего досуга он отдавал археологии, собрал большую коллекцию древних монет, украшений и утвари, составлял и минералогическую коллекцию.

Большую часть своего свободного времени Достоевский отдает литературе. В это время он заканчивает повесть «Дядюшкин сон» и работает над по-

но всегда готов помочь более нуждающемуся. Несколько месяцев содержал он семью слепого старика татарина, оказал денежную помощь ссыльному поляку Нововойскому.

Старые знакомые постепенно разъезжались из Семипалатинска. Поглощенный литературной работой и ждущий

сидит ему флягу в плетеном чехле, наполненную померанцевой.

— Разопью, когда перееду Урал,— говорил Достоевский, принимая подарок.

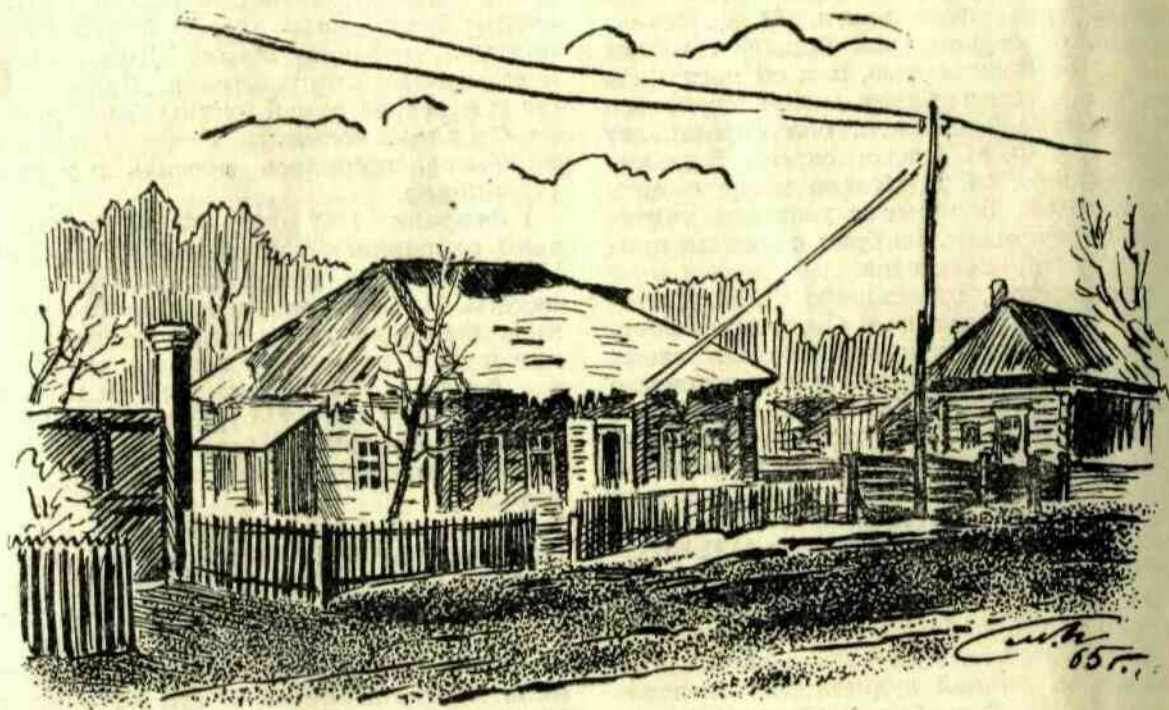
В пять часов пополудни тарантас выехал из Семипалатинска. По пути остановились в Омске, там Достоевским предстояло забрать Пашу Исаева из детского корпуса, куда он был принят вопреки правилам, по ходатайству И. В. Ждан-Пушкина.

«В Омске я пробыл трое или четверо суток... Был у старых знакомых и начальников, как-то: де Граве и проч.» — писал Достоевский А. И. Гайбовичу.

Из Омска в европейскую Россию ехали уже через Ишим, минуя Тобольск.

«В один прекрасный вечер, часов в пять пополудни,— писал Достоевский,— сиктаюсь в отрогах Урала, среди леса, мы набрали, наконец, на границу Европы и Азии. Превосходный поставлен столб с надписями, и при нем в избе инвалид. Мы вышли из тарантаса, и я перекрестился, что привел, наконец, господь увидеть обетованную землю. Затем вынулась плетеная фляжка, наполненная горькой померанцевой...» Федор Михайлович налил жене, возчику, сопровождавшему знакомому почтальону, инвалиду, сидевшему в будке у столба, себе, чокнулся со всеми, выпил. И, посмотрев вокруг, внезапно построжавшим взглядом, коротко бросил:

— Ну — в путь!

Дом Достоевского в г. Новокузнецке. Рис. М. Панькова.

вестью «Село Степанчиково и его обитатели». В повести «Дядюшкин сон» Ф. М. Достоевский описывает провинциальный «свет». Бытовой материал для нее дала «светская жизнь» Семипалатинска, которую он весьма хорошо изучил. Эта повесть говорит о безжалостном эгоизме собственной морали.

На службе Федор Михайлович аккуратен, с подчиненными, которые не давно были его сотоварищами, он мягок, всячески избегает конфликтов с солдатами, охотно уступает им, если даже прав.

Летом 1857 года Ф. М. Достоевскому были возвращены дворянские права, но оставить службу он не мог. Ему суждено было остаться в Сибири еще на два года. Как и прежде, он жил в бедности,

отставки, Федор Михайлович не ищет новых знакомств. Дружеские отношения у него были с А. И. Гайбовичем, ротным командиром, человеком благородным и образованным. Настоящим праздником для него бывал приезд друзей П. П. Семенова и Чокана Валиханова.

Наконец прапорщик Достоевский «по высочайшему приказу, состоявшемуся в 18-й день марта сего 1859 года, уволен за болезнью от службы подпоручиком, который по отставке изъясил место жительства в Твери...» В столичных городках ему первоначально жить было запрещено.

2 июля 1859 года Ф. М. Достоевский прощается со старыми знакомыми, Артемием Гайбовичем. Последний препода-

Большой рейс к шахтерам Кузбасса

В 30-х годах рождалось много различных форм и методов агит-массовой работы среди населения. В те годы было решено построить авиаэскадрилью для проведения общеполитических кампаний.

Был образован комитет по созданию фонда и постройке эскадрильи, куда вошли представители партийных организаций, аэрофлота, Осоавиахима, видные журналисты и писатели, деятели науки и техники. Среди них: Алексей Толстой, Александр Фадеев, Михаил Кольцов, Александр Безыменский, Матэ Залка, А. Н. Туполев и другие.

«Командиром» эскадрильи был назначен Михаил Кольцов — известный писатель и публицист, редактор «Огонька».

Сбор средств на эскадрилью и ее флагман самолет-гигант «Максим Горький» проходил очень активно. Любопытно, что наиболее широкий размах эта кампания приняла у нас в Кузбассе. В отчете о ходе сбора средств отмечалось, что очень активно это мероприятие идет в Москве, Ленинграде... и в Кемерове. В общей сумме, со-

бранной по стране к марту 1933 года, в три миллиона рублей, доля только кемеровчан составила 236 тысяч рублей.

6 мая 1933 года состоялся первый вылет авиаэскадрильи на Северный Кавказ, затем Каспий, Иваново... В начале июня 1935 года одно из звеньев агитэскадрильи по заданию Наркомтяжпрома и Главугля побывало у нас в Кузбассе. Экипаж выступал среди населения с лекциями, докладами и беседами.

Посещая шахты, спускаясь в лава, забои, экипаж знакомился с трудом шахтеров, выявлял причины отставания, затем на специальных совещаниях с комсоставом шахт, лучшими ударниками намечались пути улучшения работы.

Прилет звена на рудниках Кузбасса встречали ростом угледобычи, борьбой за овладение техникой, социалистическим благоустройством городов и поселков. Звенья агитэскадрильи имени Максима Горького оставили отчеты о полетах по районам страны. Отчет о полетах по городам и районам нашего края был назван: «Большой рейс к шахтерам Кузбасса».

СИВИРЯКУ — НА ПАМЯТЬ!